

Зрелость творческой мысли

«Гаснет свет в зрительном зале, раздвигается занавес, и на узкой полосе экрана возникает титульный лист знаменитой книги — выдающегося произведения русской литературы. Приподымаются по обоим краям сцены тяжелые серые бархатные завесы; за ними обнаруживаются двери, ведущие в квартиру несчастной Настасьи Филипповны, где богатый помещик Тощий пытается деньгами купить свободу от нравственных обязательств...»

Так с первых мгновений спектакля Большого драматического театра имени М. Горького «Идиот» (сценическая композиция и постановка Г. Товстоногова) зритель становится свидетелем одной из бесчисленных трагедий, разыгравшихся в том обществе насилия и произвола, о котором Достоевский говорил суровую и гневную правду.

Образ мятущейся и бунтующей Настасьи Филипповны не однажды появлялся на русской и советской сцене, становился центром многих инсценировок романа Достоевского, иногда даже и называвшихся именем героини. Жесткая женская судьба, потрясающая человеческая драма, с могущественной силой изображенная писателем, волновала и привлекала театры. И могло показаться, что, начиная спектакль сценой у Настасьи Филипповны, режиссер Г. Товстоногов и сейчас следует именно этой установившейся традиции сценического истолкования романа. Но уже со второго эпизода, происходящего в вагоне поезда, где встречаются Мышкин и Рогожин, становится ясно, что в центре многопланового драматического сюжета, развивающегося в спектакле, будет стоять герой романа — князь Мышкин, в образе которого выразились сложнейшие черты мировоззрения Достоевского.

Достоевский писал, что главное устремление Мышкина — «воскресить и восстановить человека». В романе «Идиот» писатель стремился изобразить свой человеческий идеал «вполне прекрасного», «положительно прекрасного» человека. Необыкновенное чистосердечие характеризует Мышкина, исполняемого молодым артистом Смоктуновским. Ясно и по-юношески радостно светится его взгляд, когда он знакомится с людьми. Осторожная, чуть неуклюжая походка изобличает его болезненность, но прежде всего застенчивость, скромность.

Создавая сценический образ Мышкина, артист и режиссер не избегают светлого юмора. Но истинная, подлинная духовная зрелость отражается в глазах князя — Смоктуновского, когда он пристально вглядывается в портрет Настасьи Филипповны, за чьей гордой веселостью подметил глубокое страдание! Серьезная дума опечаливает его чистые глаза каждый раз, когда он глядит на портрет или вспоминает о поразившей его своей судьбой женщине... Мышкин — Смоктуновский хорошо понимает цену человеческого страдания. Его зоркость — это зоркость человека, как бы «заново» и «со стороны» вступающего в жизнь. Артист глубоко постиг этот замысел автора романа и передал ту поразительную «наивность внимания» Мышкина к людям, о которой, как о главной его черте, говорил Достоевский.

Мышкин в спектакле противопоставлен «узаконенным» формам жизни своего времени. Он противопоставлен злumu и беспощадному миру, где властвуют деньги и попирается всякая гуманность, где изувечиваются и человеческие жизни, и человеческие души. Режиссер с большой последовательностью раскрывает в спектакле этот контраст образа Мышкина и «власть имущих».

Доверчивость сквозит во всем поведении князя — Смоктуновского, но доверие к людям и понимание самых противоречивых человеческих переживаний вовсе не означают для него всепрощение. Радостно и искренне откликаясь на все хорошее, он не только остро подмечает мелкое, искажающее, коверкающее человеческую сущность, но и остро реагирует на каждый недостойный человека поступок. Артист передает внутренний протест князя против жестокости, эгоцентризма, низости окружающих его людей.

Так постановщик спектакля Г. Товстоногов, режиссер Р. Сирота и артист И. Смоктуновский поднимают Мышкина над его окружением. Но значит ли это, что театр идеализирует сложный образ Достоевского с его проповедью кротости и «единичного доброго дела»? Отнюдь нет. Мышкин напрягает все свои душевные силы, чтобы помочь людям. Но он бессилен сделать это. Таков итог своеобразной трагедии, изображенной в «Идиоте», таков итог спектакля.

Доброта для князя — высшее свойство человека. «...Не знаю, добра ли она? — говорит он о Настасье Филипповне. — Ах, кабы добра! Все было бы спасено!». Артист признает эти слова Мышкина с потрясающим волнением и верой. Но что смог сделать сам князь со всей своей добротой в мире хищников, безнаказанно попирающих честь и справедливость? Князь не помог несчастной Настасье Филипповне, которую жалел высокой человеческой жалостью, не смог уберечь ее, спасти. Настасья Филипповна гибнет. Напрасно князь пытался укрепить лучшие духовные свойства Аглаи. Не смог Мышкин помочь и Рогожину. Так Достоевский — моралист и философ — отступил перед Достоевским — реалистом, художником, отражавшим жестокую и страшную жизненную правду. Как бы ни было прекрасно «единичное доброе дело», оно не могло изменить нечеловеческие условия тогдашней действительности, не могло поколебать цепкий и жестокий собственнический мир. Эта идея пронизывает весь спектакль, определяет драматический конфликт инсценировки.

Еще в вагоне поезда, подъезжавшего к Петербургу, князя осмеивал пресмыкающийся Лебедев, потом обдавал холодом генерал Епанчин, пытался уничтожить презрением богат Тощий... На вечере у Настасьи Филипповны все более тесным кругом смыкались вокруг одинокого молодого человека мерзкие рожи кутил, а потом, в ночном эпизоде на лестнице, после свидания с Рогожиным, перед припадком, его обступала черная тьма... Самоотверженный, бескорыстный, детски-прямодушный, он был смешон для эгоиста, жалок для собственника, «простоват» для «высшего» света, непонятен для человека, охваченного животной страстью. И каждый из них по-своему мстил ему, толкал его к гибели.

Бессилие князя становится окончательно ясным в финале. «Идиот!» — с ужасом восклицает Дарья Алексеевна, видя, что мысль затмилась на лице Мышкина у тела мертвой Настасьи Филипповны. Это — последнее слово, звучащее в спектакле. Оно как бы подводит черту событиям, оно возвращает князя в то «социальное небытие», откуда он пришел в начале сценического действия.

Этот печальный итог трагедийной борьбы рождает тем не менее бурлящие, бурные чувства. Так жить нельзя — не эта ли мысль приходила в голову многим и многим читателям прославленного романа? Так жить было невозможно — думают о ядовитых мерзостях прошлого зрители спектакля. До-

стоевский не постиг путей борьбы со старым миром, но он изобразил этот мир без прикрас, с жестоким пафосом обличения. Поэтому и нет в инсценировке его романа никакого пессимизма, а, наоборот, в ней заключена взрывчатая могучая духовная сила.

В спектакле «Идиот» не все до конца завершено исполнителями. С каждым разом более тонким становится исполнение трагедийной роли Настасьи Филипповны артисткой Н. Ольхиной, которой пока более удастся передать гордую душевную силу героини Достоевского, чем ту внутреннюю бурю, то смятение, «сумасшедшинку», без которых образ этот раскрыть невозможно. Е. Лебедев показал внутренний рост страстной натуры Рогожина: артист, однако, затемнил драму человеческой страсти бытовыми чертами и черточками. Не удались одна из важнейших фигур романа — Аглая, роль которой не соответствует данным молодой артистки В. Талановой, а также образы других барышень Епанчиных.

Но есть в спектакле и глубокие, тонкие проникновения в характеры Достоевского; таковы О. Казико — Епанчина и некоторые эпизодические роли, например Фердыщенко — В. Максимов, Иволгин — А. Ларинов, Епанчин — В. Софронов, Лебедев — М. Иванов. Беспредельное и жалкое себялюбие Гани Иволгина остро очерчено артистом В. Стрельчиком.

И главное сделано: идя за Достоевским-реалистом, всматриваясь в образы «Идиота» глазами современных художников, театр раскрыл лучшие стороны содержания романа и тем самым показал немеркнущую силу гуманистических идей великой русской литературы. В этом еще раз сказалась зрелость советской творческой мысли, идущей вперед.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО.
ЛЕНИНГРАД.

94